

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ХУННУ

Решение вопроса об общественном строе хунну наталкивается на ряд препятствий, связанных как с недостатком данных в источниках, так и с трудностью истолкования тех, которые имеются. В значительной степени именно эти обстоятельства приводили исследователей к самым различным выводам: общество хунну объявляли и феодальным, и рабовладельческим, и первобытнообщинным на стадии разложения.

Не в лучшем положении оказывались и их «собратья», появившиеся в Европе в IV в. н. э. Сравнительно недавно, в 1952 г., венгерский исследователь Я. Харматта пришел к выводу, что характер гуинского общества является неопределенным (Харматта, 1952, с. 305), хотя при этом он и отмечает, что гуинское государство в Европе было создано на более прогрессивной стадии разложения родовой организации, нежели государство азиатских хунну, и оно, следовательно, находилось на более высоком уровне, чем последнее.

Действительно, разобраться в той картине, которая вырисовывается из анализа письменных и археологических данных, исключительно трудно. Видимо, и сейчас еще нет условий для исчерпывающего ответа на вопросы, связанные с общественным строем хунну; но важность этой проблемы приводит к необходимости рассмотреть те новые данные, которые вносят археологические материалы, полученные в последние годы.

В истории хунну следует выделять в общем плане периоды с разными историческими судьбами. Первый период — конец III—II в. до н. э. Основные достоверные сведения о хунну приурочены именно к этому времени, которое характеризуется их блестящими военными успехами. Именно тогда в сферу их влияния входят народы, обитающие на огромной территории, простирающейся на западе до Семиречья. Это время расцвета державы хунну.

С 70-х годов I в. до н. э. начинается упадок державы, отмеченный голодом, падежом скота, междоусобной борьбой и военными поражениями, что сильно обостряет социально-экономические противоречия в обществе хунну и способствует ускорению процессов его разложения.

В 48 г. до н. э., когда держава хунну распадается на две орды — северную и южную, начинается заключительный этап их истории. В дальнейшем судьба южных хунну связана с историей Ханьской державы. У северных хунну сохраняются старые общественные отношения, но их тяжелое экономическое и политическое положение приводит к окончательному разгрому в 93 г. н. э., когда они были разбиты сяньбийцами и приняли их племенное название.

Эти три основных периода следует иметь в виду при характеристике общественных отношений, так как каждый из них имеет свою специфику. Но, несмотря на необходимость учета этой специфики, предлагаемая характеристика общественных отношений хунну все же носит общий характер, поскольку пока еще наука не имеет нужного материала по каждому отдельному периоду и невозможно хронологически расчленить имеющиеся данные.

Ко времени появления хунну на исторической арене в III в. до н. э. их общественный строй уже представлял сложное явление. В советской литературе давно утвердилось мнение, что основу хуннского объединения составлял военный союз 24 родов, каждому из которых отводилась определенная территория (Бернштам, 1935, с. 229—231; Руденко, 1962б, с. 67). Это мнение основывалось на данных китайского источника («Исторических записок» Сыма Цяня), упоминающего о наличии у хунну 24 должностных лиц, которые в переводе Н. Я. Бичурина были названы старейшинами

(Бичурин, 1950, I, с. 49), что и дало основание последователям говорить о родовом строе хунну как основе их общественного устройства.

Новый перевод источника (Таскин, 1968, с. 40) показал ошибочность перевода Н. Я. Бичурина и, таким образом, вопрос о 24 родах, которые составляли основу хуннского племенного союза, снимается сам собой. Речь идет о 24 начальниках, называемых темниками. Их назначал глава всех хунну — шаньюй. Темники одновременно со званием получали от шаньюя в удел и определенную территорию («выделенный участок земли»). Отсюда следует, что вся земля хунну была поделена на 24 удела, причем летопись отмечает, что хунну делили свои земли на восточные и западные (главными считались восточные). Темники имели разные наделы и в соответствии с ними и разное положение (это закреплялось определенным титулом). Они не были только чиновниками, поскольку первые пять высших должностей могли занимать представители шаньюева рода: каждый из высших сановников имел по 10 тыс. копницы, а низшие по несколько тысяч. Летопись указывает также и на существование в обществе трех наиболее знатных родов — Хуянь, Лань и Сюйбу, причем Хуянь и Сюйбу были в брачном родстве с шаньюями (Бичурин, 1950, I, с. 49).

В своих владениях темники назначали тысячников, сотников, десятников, каждому выделялся и соответствующий званию надел земли: «Каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде» (Бичурин, 1950, I, с. 49). Получив землю для кочевания, должностные лица выполняли ряд повинностей по отношению к тем, от кого получали надел. Главной повинностью была военная служба, о других же можно только догадываться, поскольку источник о них прямо не говорит.

Таким образом, налицо достаточно сложная, но четко определенная многоступенчатая система членения и управления обществом, отличительной чертой которой является теснейшая, неразрывная связь административных и военных функций у всех должностных лиц и подчиненность каждой ступени этой лестницы более высокой (шаньюй мог наказывать темников и даже лишать их наделов, так же мог поступать со своими подчиненными и остальные начальники).

На вершине этой служебной пирамиды стоял шаньюй. Его функции многообразны. Он был верховным военачальником, в его ведении находились и высшие дипломатические функции (именно он представлял хунну в сношениях с другими государствами и народами); видимо, он же осуществлял и высшие культо-

вые обряды — храм для ежегодных жертвоприношений был при его ставке и сам он дважды в день совершал обязательные поклонения солнцу и луне (Бичурин, 1950, I, с. 50). Шаньюй был также верховным судьей, и хотя разбор судебных дел и определением наказания занимались представители трех знатных родов — Хуянь, Лань и Сюйбу, именно он утверждал их решения.

Таким образом, власть шаньюя исключительно велика; правда, при нем существовало нечто вроде государственного совета — представители знати три раза в год собирались в ставке шаньюя, «в первом и пятом месяце» и осенью, «когда лошади разжируют» (Бичурин, 1950, I, с. 49—50), «для принесения жертв предкам, земле и духам» и для решения различных государственных дел. В это же время устраивали скачки лошадей, бега верблюдов. Но участвовали в таком совете по существу только родственники шаньюя. Однако источник указывает и на случаи несогласия шаньюя с решениями совета.

Создается впечатление, что этот орган собирался по традиции и имел только совещательные функции. Но важно также обстоятельство, которое источник неоднократно отмечает: проявлять единовластие шаньюй мог лишь тогда, когда обладал для этого достаточной силой — военной, разумеется. Только при наличии такой силы он мог наказывать темников, правление которых в их наделах фактически было единовластным.

Власть шаньюя являлась наследственной. В конце III в. до н. э. престол передавался старшему сыну, несколько позже престол стали наследовать все сыновья шаньюя в порядке старшинства. В церемонии возведения шаньюя на престол обязательно участвовала хуннская знать, которая съезжалась в ставку, но она только санкционировала таким образом волю покойного шаньюя. Известны, правда, неоднократные попытки нарушения этой системы престолонаследия из-за придворных интриг, которые отражали междоусобную борьбу различных группировок знати.

Таким образом, данные письменных источников рисуют систему общественных отношений, которая определенно выросла из органов родового строя, но безусловно переросла их и может быть связана с формой государственных отношений. В связи с этим чрезвычайно интересным является указание источника на то, что среди сановников, кроме родственников шаньюя, были и специальные должностные лица (левый и правый гудухоу и др.), помогавшие ему в делах управления. И хотя составить четкое представление о их функциях чрезвычайно трудно, самый факт наличия чиновничьего ап-

парата исключительно важен, так как он характеризует форму государственных отношений.

Одним из существенных моментов для характеристики общественных отношений хунну является их военная направленность. Войско, четко разделенное на десятки, сотни, тысячи (отражавшие и административное членение общества), являлось грозной силой не только для окружающих более слабых племен, но и для Ханьской державы. В короткое время хунну разбивают своих соседей, захватывают ряд владений хапцев, простирают свои походы далеко на запад; в сферу их влияния попадают дунху и ухуань на северо-востоке, юечжи и усунь на западе, города-государства на территории Восточного Туркестана, хуньюй, цюйше, динлины, гэгунь — на севере. Влияние этих завоеваний прослеживается сейчас в материальной культуре племен, населявших Забайкалье, Минусинскую котловину, Туву. Да и после Маодуня большие и малые набеги на соседей практически не прекращаются. Красной нитью они проходят через всю историю хунну. Летопись, рассказывая о них, по существу является хроникой бесконечных военных походов. Война становится для них промыслом (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 164). Она дает немалый доход, состоящий из различных, очень нужных обществу кочевников земледельческих и ремесленных продуктов, которых хозяйство хунну либо вообще не производит, либо производит недостаточно. Постоянный приток военной добычи способствует ускорению темпов имущественного расслоения общества. «Сильные едят лучшее и жирное», — отмечает источник (Бичурин, 1950, I, с. 40). Высокую степень имущественного расслоения показывают археологические материалы. Обычно принято ссылаться на богатые погребения хуннских шаньюев в Ноин-Уле как на пример имущественного неравенства общества. «О резкой имущественной дифференциации среди хуннов ярко свидетельствуют богатые захоронения знати, резко отличающиеся от рядовых погребений основной массы населения», — пишет С. И. Руденко (1962б, с. 70).

Это противопоставление, при всей его убедительности и справедливости, тем не менее чрезвычайно упрощает представление о характере имущественного расслоения, а в связи с этим и о строении общества хунну. Оно вовсе не состоит только из этих двух крайних полюсов — богатых и бедных.

Археологические материалы, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, позволяют прийти к более четким представлениям по этому вопросу.

Прежде всего необходимо отметить высокий материальный уровень всего общества в целом,

об этом убедительно говорят находки во всех раскопанных сейчас хуннских памятниках, состоящие из значительного ассортимента самых разнообразных и нередко искусных изделий, среди которых немало дорогих привозных предметов. В том же Ноин-Улинском могильнике лаковые изделия и шелковые ткани со сложной вышивкой, которые для исследователей являются обычно мерилем богатства, найдены не только в могилах шаньюев, но и в малых курганах, считающихся рядовыми (Эрдей, 1962, с. 245). В одном из самых скромных могильников, Иволгинском, найдены уникальные вещи, свидетельствующие прежде всего о высоком материальном уровне общества.

Убедительность этого обстоятельства вырисовывается особенно четко при сравнении хуннских могильников с одновременными могильниками на территориях, подчиненных им, — в Минусинской котловине и Туве. Разница проявляется в несравненно большем ассортименте вещей, их изысканности и в значительном количестве дорогих иноземных изделий.

Суммируя все данные, которыми мы сейчас располагаем, можно утверждать, что хуннское общество периода расцвета — это богатое общество, владеющее большими материальными ценностями. О том же говорят и огромные стада скота. Летопись, как правило, оперирует колоссальными цифрами в сотни тысяч голов. Обычно их считают преувеличенными. Статистический же подсчет скота, произведенный японским ученым Намио Эгами, показал, что количество голов домашнего скота, приходившееся на одного свободного у хунну, достигало в пору расцвета 19 (Намио Эгами, 1956, с. 36—37).

Распределение богатств в обществе хунну неравномерно, но эта неравномерность отнюдь не сводится только к двум полюсам — богатству и бедности, как это отмечалось в литературе. Вывод, сделанный Г. П. Сосновским, А. Н. Бернштамом, С. И. Руденко и другими исследователями, — следствие неполной изученности могильников в Ноин-Уле и Ильмовой Пади, материалами которых они пользовались. Эти могильники стали эталонами для характеристики культуры хунну, но таковыми они являться не могут, так как, во-первых, материалы их относятся не ко всему обществу хунну, а лишь к части кочевого населения, и, во-вторых, они раскопаны в столь малой степени, что не отражают полностью даже и эту часть.

Новые, полученные в последние годы археологические материалы Иволгинского могильника, на котором исследовано 216 грунтовых могил, хотя тоже не являются исчерпы-

вающими, все же дают возможность провести анализ на несравненно более широкой основе, и они показывают явную упрощенность представлений, базирующихся на однозначной характеристике имущественной дифференциации в обществе хунну. Этот могильник дал не только новые типы вещественного материала, но также несколько видов внутримогильных сооружений и сочетающихся с ними различных вариантов погребального обряда. Это позволило наметить некоторые группы населения, для каждой из которых наблюдается единство обряда и общность погребального инвентаря, и определить их относительное положение на общественной лестнице.

Анализ различий в погребальном инвентаре, проведенный на материалах Иволгинского могильника, показывает многоступенчатость общественной лестницы хунну. Между двумя крайними полюсами существует несколько промежуточных положений, различающихся степенью материального достатка и, видимо, связанного с ним общественного положения. И в женских, и мужских могилах выделяются по крайней мере 4 ступени. Критерием для выделения их служило сочетание ряда признаков: состав и количество пищи, вариации поясных наборов, а также набор украшений и их количество — для женских погребений, состав оружия — для мужских. И хотя известная предположительность выделения этих четырех ступеней очевидна, а названия их и совсем пока неопределимы, тем не менее это не снимает значимости факта существования ряда промежуточных градаций между самой высокой и самой низкой ступенями.

Таким образом, несомненным является высокая степень материальной дифференцированности общества, хотя о том, как группы населения, выделенные по материальному признаку, отличались друг от друга в социальном отношении, мы пока можем лишь догадываться. Но как бы их не называть, совершенно очевидны: факт их существования и многоступенчатость общественной лестницы хунну, устанавливаемые по письменным источникам и подтверждаемые археологическими материалами.

Источником накоплений, способствовавшим дальнейшему углублению имущественной и социальной дифференциации общества хунну, являлась также дань, которую они собирали с покоренных народов. Из летописи, перечисляющей состав и количество этой дани, ясно, что она платится натурой: дунху отдают волы и лошадиные шкуры, кожи, холсты; ухуаньды «представили невольников, невольниц, волов, лошадей, тигровые и леопардовые кожи, соболей» (Бичурин, 1950, I, с. 146).

Фактической данницей хунну была и Ханьская держава: так называемые подарки, отправляемые ею к хунну, обычно состояли из риса, тканей, предметов роскоши.

Несомненно, что ускорению этих процессов способствовал и оживленный торговый обмен, который установился у хунну с соседними кочевыми племенами степей. Поселения типа Иволгинского городища являются свидетельством такого обмена. Эти городища были не только ремесленными центрами, но и торговыми пунктами, куда стекались кочевники за нужными им ремесленными продуктами.

Источник неоднократно отмечает настойчивое желание хунну установить торговые отношения с Ханьским государством. На пограничные рынки они пригоняют десятки тысяч голов скота, привозят кожи, меха, получая взамен сельскохозяйственные, ремесленные продукты, предметы роскоши, соль.

С народами запада — юечжами, усунями, согдийцами, парфянами — у хунну также имелись связи, хотя источник и говорит об этом глухо. Но о наличии их свидетельствуют находки тканей и украшений западного происхождения в хуннских памятниках (ткани греко-бактрийской работы, гобеленовые ткани малоазийские или парфянские).

Из Средней Азии хунну получали бирюзу, с Ближнего Востока — стеклянные бусы, из далекой Индии — раковины каури и агатовые украшения.

В письменных источниках ярко и образно отражена история такого обмена, неотделимого от войны и прямого грабежа (Бичурин, 1950, I, с. 103). Именно поэтому так трудно решить, каким из этих путей к хунну попадали вещи иноземного происхождения.

Не исключено, что существовал еще один источник обогащения — рабы. Летопись упоминает их неоднократно: «пленные мужчины и женщины поступают в неволю, и посему в сражении каждый воодушевляется корыстью» (Бичурин, 1950, I, с. 50), причем количество таких рабов из военнопленных огромно — от 1 тыс. до 40 тыс. человек одновременно уводятся в рабство. Сообщает она и о других источниках рабства: при воровстве в качестве наказания практиковалась конфискация семейства, неуплата дани в срок также кончалась обращением семьи данника в рабство.

Факт наличия рабов у хунну не вызывает сомнений, и тем не менее в вопросе о характере рабства так много неясностей, что приходится констатировать неопределенность этого института. Тот же письменный источник отмечает, что невольники и невольницы у пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве к хунну (Бичурин, 1950, I, с. 95).

Отсюда ясно, что для рабов Ханьского государства области хунну — обетованная земля свободы. Это убедительно говорит о том, что разница между условиями жизни свободных и рабов у хунну не была значительной.

В могильниках хунну неизвестно погребенный, которые можно было бы связать с этой частью общества. Среди 216 могил Иволгинского могильника исключительной бедностью выделяется лишь могила 102; погребенной там женщине не положили пищу — случай редчайший в погребальной практике хунну, при ней найден только маленький железный нож и сердоликовая бусина на груди. Если по признаку бедности ее можно было бы принять за могилу рабыни, то ее местоположение внутри могильника и притом рядом с парной ей мужской могилой совершенно равнозначно женским погребениям с богатым инвентарем.

И если, видимо, не может быть сомнения в существовании в обществе хунну той его части, которую летописи называют рабами, то все же мы должны констатировать отсутствие свидетельств о их значительном отличии от свободных. Неясными являются и вопросы о сфере применения труда рабов и о их количестве. Источник иногда называет огромные цифры. Один из авторов, рассматривающий хуннскую державу как классический пример рабовладельческого общества в Азии, считал, что в период расцвета у них было до 760 тыс. рабов (самых хунну в то время было 1500 тыс.) (Ма-Чан шу, 1954).

Можно предполагать, что рабы пасли стада, занимались хлебопашеством, ремеслами, но этим занимались и оседлые свободные хунну. Таким образом: 1) рабы в обществе хунну были, но рабство, вероятно, носило патриархальный характер; 2) неясна форма эксплуатации труда рабов; 3) нет никаких оснований считать хуннское общество рабовладельческим.

Суммируя все приведенные данные относительно общественного устройства хуннской державы, можно сделать ряд выводов: 1) несомненно развитая система организации и управления общества хунну, 2) она теснейшим образом связана с военной организацией общества и административным управлением, единство этих институтов делает общество хунну необыкновенно монолитным, придает ему огромную ударную силу, которая используется для завоевания чужих территорий и накопления больших материальных ценностей; 3) военная добыча, дань от покоренных, торго-

вый обмен создают источники накопления — вот почему археологические памятники хунну содержат несравненно более богатый инвентарь, чем одновременные памятники Минусинской котловины и Тувы; 4) частная собственность разлагает общество. Учитывая все это, можно считать, что общество хунну имело форму государства.

Одним из наиболее сложных для решения является вопрос о характере государственных институтов. Видимо, прежде всего они возникают по отношению к покоренным народам. Именно здесь хуннское общество выступает в роли государства (регулярное взимание дани с покоренных народов, обращение в рабство семей данников, посылка войска в случае ее неуплаты и т. п.).

Что касается отношений внутри самого общества, то они основываются прежде всего на обычаях, законах и традициях, выработанных в недрах родового строя, но уже явно приспособленных к новым явлениям, связанным прежде всего с высокой имущественной дифференциацией общества. Видимо, можно говорить и о наличии государственного аппарата, хотя бы в примитивной форме, для управления самим обществом хунну.

Есть любопытное свидетельство летописи о том, что один из советников Лаошан-шаньюя (сына и наследника Маодуня) предлагал ему «завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество» (Бичурин, 1950, I, с. 58). Подобный сюжет в источнике — единственный, и ничто не указывает на то, что совет был принят. Следует также в связи с этим обратить внимание на отсутствие у хунну письменности.

Из источника, правда, известно, что определенная форма учета и смотра богатств производилась: «осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются в ставку шаньюя... причем производят проверку людей и скота» (Бичурин, 1950, I, с. 49—50), но, видимо, ни цели, ни последствия такого учета не связаны с приведенным советом Лаошан-шаньюя.

Формы обязательств рядового хунну по отношению к обществу прежде всего заключались в обязанности служить в коннице, в войске; уклонение от этой обязанности каралось смертью.

Таким образом, мы вправе прийти к выводу, что общество хунну более всего сопоставимо с государством, но примитивного типа, где много еще выдает традиции родового строя.